

Отец священника был русофилом и с детства привил сыну любовь к классической русской культуре и России. Когда Саша вырос, то окончил духовную семинарию святых Кирилла и Мефодия в городе Призрань. Стал выпускать самиздатский православный листок. И вскоре «за антикоммунистическую и антигосударственную деятельность» оказался в Белградской тюрьме. Ее начальник, знакомившись с министерским сыном, злорадно вопрошал: «Ну что, где твой Христос? Почему он тебя не вызволит отсюда, хотя бы и руками твоего папаша?» Александр отвечал: «Христос со мной и здесь, в темнице».

Связи отца помогли скостить срок вдвое. Молодой человек отсидел полтора года и по освобождении уехал в Словению, где устроился в коммерческую фирму по продаже бытовой техники. А в 1985 году как представитель фирмы прибыл в Москву...

Вьетнамское имя Анны - Хуа, что означает «прекрасный цветок». Она была последним, четвертым ребенком в семье, самым любимым и балованным. Воспитывалась, как принцесса: до 25 лет за ней присматривали няня и домработница. Не умела ни стирать, ни готовить, жила в огромном родительском особняке в центре Ханоя. Потом стала учиться во Франции. А когда из Вьетнама позвонил отец и сказал, чтобы она ехала учиться в Советский Союз, проревела всю ночь: уж очень не хотела менять изобильный Париж на советские пустые прилавки и бесконечные очереди середины 80-х. Но отец уже договорился со своим другом, бывшим послом СССР во Вьетнаме и тогдашним заместителем министра иностранных дел СССР Чаплиным, что тот устроит Хуа в Дипломатическую академию. Так она оказалась в Москве.

- Девушка, извините, вы верите в Бога?

Хуа подняла глаза и увидела перед собой молодого мужчину - с пронизательным взглядом темных глаз и черной, как смоль, бородой.

- Я? - девушка смутилась. - Я коммунистка, верю в партию...

Этот разговор между Александром и Анной состоялся в 1987 году в телевизионной комнате дипломатического корпуса Боткинской больницы, куда он угодил с ревматизмом, а она - с серьезной болезнью печени. После выписки из больницы снова встретились. Совместные походы в театр чередовались воскресными стояниями на литургии в православном храме. Тайно от родителей она крестилась под именем Анна и обвенчалась с Александром, взяв себе его фамилию - Коканович. Родители узнали «о непоправимом» только в 1989 году, когда Анна родила в Москве своего первенца, Антона. Разгневанный министр обороны Вьетнама по телефону устроил нагоняй военному атташе Вьетнамского посольства и велел прямо из роддома отвезти дочь с внуком в аэропорт и отправить на родину. Но Анна отказалась наотрез. Тогда пошли по иному пути: ходатайствовали о выселении четы Кокановичей из гостиницы дипкорпуса на «Белорусской», где они жили два года после венчания. Расчет был на то, что избалованная дочка, столкнувшись с первыми трудностями, сама бросит мужа и с покаянным плачем вернется в родительский дом. Но теперь трудности она воспринимала со стоическим упорством, вернее с христианской жертвенностью.

Первой трудностью был пьяница, у которого они сняли комнату. Каждое утро чету Кокановичей будил стук в дверь и хриплый голос хозяина: «Дашь пятьдесят грамм!»

Со временем трудностей прибавлялось. В 1991 году, после рождения второго сына, Стефана, из Вьетнама пришло известие, что от Анны отказались родители, лишили ее вьетнамского гражданства. К этому времени у Анны закончился срок дипломатического паспорта, и она оказалась без каких бы то ни было документов. «Ничего, Аннушка, Бог не выдст - свинья не съест», - успокаивал жену Александр. У них появилось еще два сына - Никола и Костя.

В 1994 году в Новодевичьем монастыре Александр был рукоположен митрополитом Ювналием сначала в дьяконский, а потом и в священнический сан и направлен настоятелем в храм Рождества Христова деревни Варварино, что в Подольском районе. Место, прямо скажем, не самое сладкое. Денег на восстановление полуразрушенного храма не было, как,

Священник Александр Коканович и его супруга, матушка Анна - пожалуй, самая необычная пара Русской православной церкви. Отец Александр - серб, сын Обрада Кокановича, заместителя министра финансов Югославии в правительстве Тито. Анна - вьетнамка, дочь Ван Тьен Зунга - министра обороны Республики Вьетнам, члена Политбюро Вьетнамской коммунистической партии...

ЕСТЬ КРЕСТ - ОН ВЫШЕ МИНИСТРА И СИЛЬНЕЕ БАНДЫ

впрочем, и жилья для семьи священника. Вселились в пустовавшее много лет ветхое деревянное здание церковно-приходской школы - без крыши и с провалившимися полами. Спали на куках фанеры. Потом прихожане откуда-то приволокли кровати, помогли с ремонтом крыши... Три года прослужил отец Александр настоятелем в Варварине. Почти полностью восстановил храм, открыл воскресную школу для детей, причащал и исповедовал больных, давал приют и пищу нуждающимся. Задумывал создать на территории заброшенного пионерского лагеря русско-сербскую православную общину для беженцев...

Двенадцать корпусов бывшего пионерского лагеря «Чайка» стояли вплоты к храму на земле, которая до революции находилась в собственности церкви. Согласно Указу Президента РФ о возвращении церковной собственности земли эти должны были отойти общине Рождественского храма. Но депутаты из одной московской фирмы провернули сделку о купле-продаже этой территории, а заодно отняли и здание старой церковно-приходской школы, в которой жила семья отца Александра с четырьмя детьми. Фирмам требовался не пионерский лагерь, а земля под строительство коттеджей для «новых русских». Священник категорически отказался выселяться. Тогда в самый разгар зимних морозов в здании отключили свет и отопление. Потом супругов поочередно вызвали в отделение милиции. Главный местный милиционер Юрий Рябов разго-

варивал с Анной вежливо и вкрадчиво. Обещал оформить все необходимые документы и ближайшим рейсом отправить с детьми во Вьетнам.

- Я Сашу не брошу! - отрезала Анна.

- Как это так: дети будут без отца?!

Потом заявили уголовники. - Ты, что ли, Сашок будешь? - процедил сквозь зубы бритоголовый детина. - Чтобы завтра вас здесь не видели. Валите отсюда, пока живы! Второй раз повторять не буду!

Уголовники приходили и второй, и третий раз - с теми же угрозами. Потом ворвались ночью: сорвали с петель двери, разбили стекла и выломали оконные рамы. После погрома у беременной Анны случился выкидыш... Заявление отца Александра в Московскую областную прокуратуру осталось без ответа.

За неделю до праздника Пасхи 1997 года, в 5 часов утра, к зданию церковно-приходской школы подъехали грузовик «КамАЗ», автобус и четыре иномарки. Их них вышли десять бритоголовых молодцев в черных кожаных куртках, пинком высадили входную дверь, матерясь, заломили руки священнику и отконвоировали его в автобус. Следом за ним толкали Анну и плачущих детей. Четыре часа дороги показались вечностью. Наконец автобус и грузовик въехали в глухую, заброшенную деревню. Привезенные вещи были свалены под дождь перед покосившимся от времени деревянным домишком с выбитыми окнами и расплавленной настеей дверью. А на прощание отцу Александру вручили свиде-

тельство купли-продажи дома: живи!

Все произошедшее отец Александр воспринял с удивительным смирением. Не стал раздувать международный скандал, хотя является духовным чадом святейшего Патриарха Сербского Павла. Не стал нанимать адвоката. Хотя его мучителям светили более чем серьезные статьи Уголовного кодекса за похищение людей. Все свои несчастья отец Александр объясняет просто: страдает за Христа. «Раз оказался на Калужской земле, значит, нужно служить Богу здесь», - рассудил священник. В один из ближайших воскресных дней в церкви райцентра Козельск он встретил архиепископа Калужского Климента, приехавшего сюда отслужить литургию. Владыка выслушал священника, подивился необычности его истории и дал благословение на служение в своей епархии. Отныне отец Александр совершал требы в Подборках, а по воскресеньям ездил служить на автобусе за 25 километров в церковь Козельска.

Анна занялась огородничеством и садоводством. Не разгибалась с утра до ночи. Ребята ей помогали. Потому что питаться приходилось только тем, что выращивали собственными руками.

- Что давало силы? - интересуюсь я у Анны.

- Любовь к мужу, голодные глаза детей и... молитва! - неожиданно признается матушка. - Бывало так, что в конце зимы или весной все съестные запасы заканчивались. Мы с детьми становились на молитву перед иконой Божьей Матери. И Господь всегда чудесным об-

разом посылал помощь. Один раз монахи из Оптиной пустыни привезли продукты, в другой - прикатил целый грузовик с вещами и продуктами из Москвы. «Кто прислал?» - интересуюсь я у водителя. «Не знаю», - отвечал он...

Работать все эти годы, по выражению самой матушки, приходилось как лошади. Тем более что в большой семье Кокановичей прибавился еще один рот, вернее огромная радость - долгожданная дочка.

- Ее рождение чуть не стоило мне жизни, - рассказывает Анна. - Рожала в Козельском роддоме. Пережила состояние клинической смерти. Но помню, что как бы воспарила в воздухе, пыталась что-то сказать врачу и акушерке, суетившимся над моим телом, потом меня затянуло в воронку, и я полетела по какому-то коридору. Вдоль стен стояли люди, словно тени, с искаженными страдальческими лицами, которые пытались ухватить меня за руки и остановить. Но я свободно пролетела между ними и вдруг увидела яркий свет. Это был свет любви и доброты. Он не слепил глаза. И я поняла, что источником его мог быть только Христос. Вдруг передо мной словно выросла высокая каменная стена. Открываются большие ворота, и навстречу выходит улыбающийся старичок с длинной белой бородой и в священнической рясе. «Ты чего, дочка, пришла так рано?» - говорит. Да и сама думаю, у меня ведь пятеро детей. Чувствую резкую боль в груди и слышу испуганный крик акушерки... Потом она мне рассказывала: «У тебя все шла и шла кровь, и мы не могли остановить. У нас уже опустились руки, как вдруг кровь остановилась сама собой - непонятно почему»...

Новорожденную родители назвали Моникой, в честь матери учителя церкви Блаженного Августина. В четыре года девочка уже вовсю читала книги, а в пять лет пошла в первый класс. Смышлеными растут и сыновья, для которых русский язык - родной: говорят на нем без акцента. Старший - Антон - круглый отличник. Мечтает стать офицером Российской армии. А

младший, Костя, вероятно, пойдет по духовной стезе.

На этой светлой ноте мне и хотелось бы закончить эту статью, но... Злоключения необычной семьи не окончились. В декабре прошлого года, когда Кокановичей не было в Подборках, их дом спалили. На пепелище не нашли ни одного металлического предмета. Есть подозрение, что перед пожаром дом тщательно обчистили.

Сейчас семейство отца Александра в Москве. Сыновей удалось пристроить в кадетский корпус Алексеевской пустыни, что в Ярославской области. Моника живет с родителями. Кокановичи сняли жилье. За подаянием ни к кому не обращались: совестно. Не помогут уже и родные. Родители батюшки умерли в Сербии. Ушел в мир иной и министр обороны Вьетнама. А Кокановичи, как и прежде, надеются лишь на Бога и на самих себя. Анна устроилась работать переводчиком, а отец Александр служит требы: освящает, крестит, отпевает. И ждет от правящего архиерея Московской областной епархии митрополита Ювналия назначения на какой-нибудь приход.

- Что только вы не прошли за это время! - высказываю свое сочувствие батюшке и матушке.

- А сколько еще всего впереди! - смеется и машет рукой Анна.

- Если будет нужно, я готов страдать за Христа и впрямь. Я здесь, потому что уверен: возродится Русь - возродится и Сербия, - говорит отец Александр и размашисто крестится.

Андрей ПОЛЫНСКИЙ